

Андрей ЦУНСКИЙ
г. Петрозаводск

Эти истории — отрывки из книги о детстве, которое прошло в доме № 50 (это он теперь №26) по проспекту Ленина в Петрозаводске. Говорят, что вспоминается только хорошее. Это не так. Вспоминается всякое. Но тут весь вопрос — как вспоминать. Плохо вспоминают те, кто не любил. Не любил своих соседей, учителей. Конечно, были те, кого ты не любил. Но даже их лучше вспоминать с улыбкой. Жаль тех, кто злится годами!

На что уходит такая жизнь?..

Понять, почему мы сейчас живем так, как живем, можно, только если вспомнить, как мы жили когда-то, из какого города, дома, времени мы родом...

Но и тут выводы каждый делает только сам — мне не хотелось бы кому-то помешать...

Ну, и чтобы не было путаницы, часть людей выведены под своими фамилиями, часть — под чужими, а часть — вообще собирательные образы. И многие из персонажей этих историй в «119-м»¹ доме не жили.

Поэтому обойдемся без персональных посвящений.

Давайте просто любить родной город!

Искренне ваш, Цунский

КУБОК И АНАНАС

Когда мне было лет пять, дядя Эйно как-то позвонил в нашу дверь и спросил меня строгим голосом, вымыл ли я посуду. Я удивился, но сказал, что через десять минут уже вымою.

— Вот когда вымоешь, тогда и позвони мне! — всё так же строго сказал дядя Эйно.

Я уже заканчивал этот процесс, ранее мною вполне обрисованный. Мне тогда, правда, доверяли только споласкивать холодной водой уже вымытое мамой. Я сделал обещанное и набрал соседский телефон.

— Ну, — сказал дядя Эйно, — бери самое красивое и большое блюдо и поднимайся к нам.

Ничего не понимая, я взял блюдо и поплелся вверх. У дяди Эйно два звонка на дверях: один высоко — для взрослых, второй он сделал, когда Леша и Миша были маленькими. Этот звонок сейчас очень меня выручил — Леша уже учился на инженера-строителя, а Миша заканчивал школу, так что им он был точно не нужен, а мне оказался в самый раз.

¹ В доме № 26 по проспекту Ленина в Петрозаводске находился продуктовый магазин №119.

Во дворе 119-го

главы из книги

Дядя Эйно торжественно проводил меня в кухню, и я увидел на столе какое-то чудище. Оно было колочее, с острыми зелеными хвостами, покрытое чешуей и выглядело зловеще.

— Это что, алоэ от кашля? — спросил я тоскливо.

Дядя Эйно рассмеялся и ловко разрезал подозрительную вещь поперек. Отрезав несколько колец, он положил три штуки мне на тарелку.

— Иди поделись с мамой и папой! Передай им от меня привет!

Так я впервые попробовал ананас.

В другое время дядя Эйно запросто пригласил бы нас к себе или сам спустился. Но еще совсем недавно плавал я у него в ванне и слушаю сказки, а в нашей квартире было совсем другое настроение... Он был деликатен, дядя Эйно.

Вкус ананаса поразил меня. Это ощущение непередаваемо. Фрукты у нас были в диковинку и по сезону — апельсины и мандарины, лимоны — все это появлялось зимой. Гранаты я попробовал только классе в третьем — они были дорогие. Ананас затмил все.

Мама часто ездила в командировки. Она всегда привозила мне что-нибудь оттуда, любую мелочь или глупость, или что-то ценное — фонарик, работавший без батареек, или альбом с образцами целлюлозы, выпускаемой на сегежском комбинате. Я все принимал с благодарностью и интересом, а слово «командировка» звучало для меня как что-то таинственное и торжественное. Magical Mystery Tour. Кстати, так и сейчас осталось. Люблю ездить в командировки и что-нибудь непременно оттуда привозить. А маму я вечно просил привезти из командировки ананас. Это была неизменная и совершенно бесполезная просьба. Ананасы у нас не растут, к сожалению.

В течение нескольких лет мама привозила из своих поездок все что угодно, кроме ананасов. Я и думать о них перестал. Я понял, что их привозят откуда-то из другого места. Из командировки его не привезти, потому что там их не бывает. Не бывает — и все.

Ананас я так с тех пор и не пробовал, но командировки мамы от этого не прекращались. А однажды мама уже приготовила сумку и собралась уезжать в очередную из них, но тут в дверь позвонили, и старик в ленинской кепке-восьмиклинке и в круглых очках на сморщенном но-

су вручил папе повестку с приказом явиться на военные сборы.

Так я впервые на три дня остался дома один. Мамина подруга приходила по пути с работы проверить, сделал ли я уроки, поел ли и вымыл ли посуду, прибрал ли за кошкой и пропылесосил ли в комнате. Потом я должен был ей звонить перед сном, а она звонила в любое время, интересуясь, чем я занят. Заходил и дядя Эйно, проглядывал тетрадки и помогал мне с задачками.

А в один из вечеров и мама подруга, и дядя Эйно могли быть совершенно спокойны на мой счет, как и на счет всех жителей нашего дома мужского пола. Начинался Кубок Вызова!

Не буду отвлекать вас историей противостояния НХЛ и сборной Советского Союза по хоккею. Кто знает — тот уж знает, кто не знает — тот не поймет. Наши упорно побеждали на чемпионатах мира, серия встреч в Москве и Америке, о которой пел Высоцкий, была делом давним, в самих Штатах и Канаде решили выяснить, кто же главный на хоккейном льду. Предполагалось сыграть три матча, и если результат по их итогам окажется ничейным, то предполагалось дополнительное время, а если и оно не выявляло победителя, то команда всех звезд НХЛ и сборная СССР должны были играть до первой шайбы — хоть до утра! Так сказал сам Николай Николаевич Озеров. Опять же кто знает — тот знает, кто не знает — тот не поймет, какой это был комментатор!

Матч показывали поздно, и я, пользуясь отсутствием родителей в доме, спокойно его посмотрел. Но как же я был удручен... Да как весь наш дом, как весь город, как вся страна! Наши проиграли со счетом 4:2 и выглядели вяло и тоскливо, а канадцы — так называли всех НХЛ-овцев заодно с американцами — наоборот. Дерзко и мощно, на высоченных скоростях носились они, взметая на разворотах маленькие бураны, победно играл электрический орган во время остановок игры, Мэдисон-сквер-гарден неистовствовал, публика на трибунах экзотически орала, перекрикивая даже самого Озерова. В слезах я рухнул в постель и наутро заметил у своих одноклассников такие же распухшие и красные глаза, как и у себя самого. Даже Владимир Валерианович, встретившийся мне в коридоре (он тогда еще не преподавал у

нас физику, она начиналась с шестого класса), забыл закрыть дверь в лаборантскую, и я видел, как он открыл дверцу лабораторного шкафа, хлопнул рюмку и печально произнес: «Эх... Хоть не смотри завтра ничего!»

Вечер без хоккея дрожал напряжением предстоящего на следующий день матча. Делали прогнозы, партия оптимистов и партия пессимистов были невелики, самая большая часть болельщиков вошла в партию надежды. «Посмотрим!» — неуверенно говорили друг другу ее представители.

Мне свезло. Двоек я не нахватал. Ждал вечера. Родители должны были приехать только на следующий день. Я уже наскоро порешал гнусную математику, обозначил в упражнениях по русскому языку суффиксы и приставки, выучил даже текст про Трафальгарскую площадь в Лондоне для урока английского языка. Чего не сделаешь от такого волнения!

Я уже включил телевизор и уселся в кресло, но вдруг щелкнул замок, заскрипела дверь, и в квартиру вошел папа с тремя другими мужчинами его возраста. Одного из них я знал — он был маминым сослуживцем. В его руках была сеточка, а в сеточке — бутылки с коньяком, лимонад для меня и какой-то серый кулек. Следующий нес два бумажных пакета, и что там было, я не видел. И третий нес пакеты, и папа тоже, а еще каждый тащил на спине по рюкзаку.

Военные сборы закончились сами собой после поражения сборной СССР в первом матче. Даже какой-то генерал, который командовал этими сборами, понял, что если он не хочет массовых самовольных отлучек, надо вовремя остановиться. А то, что четыре «партизана», освободившись от воинского долга на день раньше, пришли к нам, объяснялось еще проще. Мама в командировке. А это значит, что можно спокойно посмотреть хоккей, выпить коньячку, курить в комнате и просто пообщаться мужской компанией, объединенной так недавно рытвем окопов или дурью в штабе с картами. Кто-то тут же похвастал, что пару карт из штаба умыкнул. Карты местности тогда были в цене. Их нельзя было купить в магазине, а вояки продавали фотокопии за пять рублей лист.

Мгновенно я был мобилизован на кухню

чистить картошку, а дядя Валера, мамин сослуживец, жарил на большой сковородке невероятное количество магазинных готовых котлет. Уж не знаю, из чего их делали. Картон-то в них точно был. И сухари в неограниченном количестве. Но и такие достать было непросто. Почистив картошку, я нарезал ее, как учил папа, соломкой и нажарил до хруста ореховой скорлупы. Так любил папа. Остальные гости входили в кухню и просили кто ножик, кто вилки, кто тарелки, кто еще что...

Когда я вошел в комнату, на раздвижном журнальном столике раскинулся великолепный холостяцкий пир! Шпроты, финики, тонко нарезанный лимон, сало, зеленый горошек в глубокой тарелке, лук кружевами под уксусом, поднос яблок, хлеб белый и черный, сыр, нарезанный в толщину фанеры, и маринованные помидоры и огурцы в банке с надписью «Глобус». Один из «партизан» работал не то в магазине, не то на складе... Когда внесли котлеты и картошку, телевизор уже показывал арену, уже разминались игроки и надрылся орган.

Первый период и второй тоже шли мрачно. Уровень коньяка в бутылках почти не понижался. Наши проигрывали — и снова 4:2. И вдруг в течение одной минуты Михайлов и Капустин сравняли счет. А через полторы минуты после начала третьего периода Владимир Голиков вывел наших вперед, и в течение всего периода канадцы пытались сравнять счет, но...

Сирена совпала со всесоюзным криком «Ура!» и всесоюзным же звоном рюмок. Теперь можно было расслабиться. Пошли разговоры — обычные мужские разговоры о хоккее, о машинах, о так удачно «приобретенных» картах, о возможных в будущем поездках за грибами. Я тихонько сидел за столом, боясь, что меня выгонят спать, но не выгоняли, наоборот — за что-то даже хвалили, хотя ничего особенного я не сделал.

И тут все замерли. В комнату, не сняв пальто, вошла мама...

Но защитников родины уже нельзя было взять на пушку! Маме сообщили о победе нашей сборной, налили рюмку, приобщили к беседе. Но она вдруг вскочила, чтобы снять пальто и сапоги, с торжественным видом вызвала меня в коридор и достала из сумки два ананаса!

И огорчению моему не было предела. Они

были совершенно зеленые. Меня утешали, говорили, что они дозреют, надо только держать их в темноте, и что совсем скоро — недели через две или три...

Уж не знаю, что это был за сорт ананасов или что мы неправильно сделали, но один мы все-таки съели, не дождавшись полного созревания, а второй дошел до кондиции только ко дню моего рождения — в конце июля. И сморщился при этом до размеров груши. И теперь, когда это чудо уже не чудо и есть в каждом магазине, я предпочитаю ананасы в банках. А кольцами или кусочками — все равно. Целиком ананасы мне не нравятся. Сколько одни хвост и шкура весят! Перевод денег.

А любовь к командировкам осталась на всю жизнь, только езжу я в них теперь сам. И всегда стараюсь оттуда что-нибудь привезти.

ПИОНЕРСКАЯ ЗОРЬКА

Прошел еще один день. Болельщики нашей сборной натянули нервы как струны, и играли на них то гимн СССР, то похоронный марш. При слове «хоккей», громко произнесенном на улице, вздрагивали и оборачивались человек сто. Матч перенесли на такое время, что в прямом эфире его показать было нельзя — он шел глубокой ночью. Проснувшись утром, все знали — там, в заокеанской дали, в проклятом Мэдисон-сквер-гардене катки «Замбони» уже спрятаны, а лед убран, все уже состоялось, все уже свершилось. Но что? Каков результат?

Все обладатели приемников с УКВ (это вам не нынешний FM, это куда круче) пытались выяснить хоть что-то. Но по идиотской логике КГБ (или кто там этим занимался), на привычных частотах «Голоса Америки», «Би-би-си» и прочих вражбых частотах, где каждый день сквозь треск можно было слушать всякую антисоветчину, стоял дикий хрип и гундеж. Придушили и «Немецкую волну», и даже радио Ватикана. Уж его-то можно было и вовсе не трогать, но страна погрузилась в эфирный вакуум. И сделать с этим никто ничего не мог. Даже некоторые граждане, про которых шепотом говорили, что они работают «там», в этот день ходили мрачнее тучи — им тоже ничего известно

не было! Трансляция была назначена на семь вечера, и ночное радиомолчание можно было объяснить только тем, что великий советский народ не хотят расстраивать раньше времени.

Только одно в этот день порадовало: как только кончилась по радио «Пионерская зорька», голос диктора нашего карельского радио и телевидения Евгения Ивановича Рубаева сообщил, что температура воздуха минус тридцать два градуса и занятия в школах республики отменяются. Тот же текст ехидным басом проговорил дикторфинн дядя Энсио Вент.

«Ура!» — крикнули школьники и получили от отцов по затылку — те подумали, что есть какие-то вести о матче. Решающем матче Кубка Вызова! А тут ерунда какая-то, тем более что взрослых от работы никто не освободил.

Школьники затихли, но как только двери за родителями, отправившимися трудиться, захлопнулись, все бросились по углам и шкафам, переоделись в дворовую одежду и рванули играть в хоккей.

Дворовый хоккей проходил в дальней части двора, на обледеневшей асфальтированной поверхности, ворота были сделаны из досок от уничтоженной к тому времени «трибуны». Коньков не было — дорогая штука, не все могли позволить себе, а кое-кто, например я, даже не умели на них кататься (каюсь — не умею и до сих пор). Но клюшки сортавальской фабрики были у всех, а вместо шайбы играли теннисным мячиком. Шайбы-то в продаже были, но после того как одному из игроков пришлось вставлять зубы после прямого попадания, всем двором решили, что мячик гуманнее. Родиончик стал одним из штатных вратарей и купил себе пластмассовую маску, сделал самопальные щитки из фанеры. Маску он примерил, попробовал в игре и забраковал:

— Не видно мне! Глазки как у китайца: вправо-влево зырь-зырь — одна пластмасса, а Серый уже с угла хренак, и тащи мыша за хвост из сетки. Стоишь, обгадившись, как Валерий Леонтьев под куполом цирка... «Лица желтые над городом кружатся!»

При помощи перочинного ножа отверстия для глаз были расширены и стали круглыми. Этот вариант Родиончика устроил, первый гол он властно отменил, и борьба вспыхнула с новой силой.

Через полчаса Родиончик потребовал замены хотя бы на время:

— Да я задубел уже тут, как пингвин! Вы-то носитесь, как танки, а я только и могу: «жопка влево — жопка вправо, вот вам полька п...с!» Цунич, замени!

Свои полчаса я отмерз в воротах и подтверждаю: Родиончик совершенно не врал. Было еще темно (север у нас, уважаемые, север!), и вдруг я, рванув за мячиком, упал на спину и увидел... По всему небу разлились желтые, огненные и зеленые сполохи.

— Мужики! Бошки задерите! Там оно... Северное... Сияет! — только и смог я выхрипеть.

С минуту мы любовались чудным явлением природы, все набиравшем силу. Оно еще даже не совсем кончилось, как вдруг Родиончик завопил:

— Ага, щас совсем согремся, нехило будет шириночку паяльной лампой расстегивать? Играй, астроном!

Потом меня заменил Серый — «Червонный валет», но и я, и он стояли плохо, и Родиончик снова выступил:

— А, болтаетесь в воротах, как дохлые кошки, идите лучше подрочить в туалетике! Полезно для здоровья! Дайте мастер встанет! — и натянул щитки сам.

У ворот постоянно образовывалась куча из игроков, как на настоящем мэдисоновском льду. Если кто-то задерживался на своей половине площадки, ему кричали: «На пятак кидай! На пятак!» И снова на пятаке у ворот возникала потасовка, и Родиончик хихикал:

— Ой-ёёёёёй! Уссаться! Борьба онанайских мальчиков!

Я устал и еле ползал от одних ворот к другим, так что мой маневр при счете 24:24 нельзя объяснить тактическим талантом. Просто я не успел к свалке у своих ворот, и мячик вдруг нечаянно откатился в мою сторону и понесся к воротам Родиончика. Он плавно, идеально накручивался мне под клюшку... Я вложил в удар все силы. Родиончик бросился вперед по всем правилам дворового хоккейно-футбольного искусства.

Такого мата наш двор не слышал даже от бывалых алкашей, пасшихся возле гастронома.

Родиончик стоял перед спасенными воротами. Мяч идеально вошел в глазное отверстие и торчал оттуда, как шишка. Сняв маску, Роди-

ончик продемонстрировал всем идеально круглый фингал.

Он уже устал орать, только плюнул на лед и, погрозив мне пальцем, беззлобно сказал: «У, гнида!»

А после вбрасывания мячик опять откатился ко мне, и я шархнул по воротам с прежней силой — не со злости, а просто не видя другого решения. Тут уже слово «гнида» Родиончик проорал с обидой и восхищением. «Девяточка! Что, козлины, башками вертеть не научились?»

Играли до двадцати пяти, так что матч кончился, и все замерзли и пошли в гастроном пить сок. Родиончику дважды грозили выгнать его из магазина за нецензурные выражения, и он заметил: «Да... Все на свете видел, но чтобы из винного отдела за мат гоняли — слышу в первый раз!» Соки в стеклянных конусах действительно продавали в винном отделе. А о предстоящей вечером трансляции сказал мрачно:

— Да ясное дело, просрали! Как всегда — Михайлов-Петров-Пихайлов-Метров, и вдруг, блин — Гэйни — Ги Лефлер, и коленвал вам в очко, дорогие товарищи!»

Играть больше не хотелось. Расползлись по домам. Зорька кончилась. Солнце вошло в короткий зимний зенит.

ПЕРВАЯ ТАЙНА ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА

Я вовремя пришел домой. Позвонила мама. — Андрюнюшка, ты не скучаешь?

— Да нет вроде... — сказал я с одышкой.

— А что у тебя с голосом?

— Да еле успел к телефону... Заснул! — быстро изобрел я ответ.

— Ой, а дома же совершенно нечего есть. Слушай, а ты до «четверки» добежишь? У нас на студии тепло, и в буфете хоть что-то. Надя говорила, будет борщ и бифштексы рубленые...

Через полчаса езды в теплом автобусе я был в буфете и занял очередь на всю художественную редакцию. У нас за получкой и в буфет очереди занимали корпоративно — операторы, киноплеменники, гараж, звуковики, видеозапись, редакции...

Поддержать меня пришел Юрий Львович Хорош. Мой самый любимый режиссер и вообще — человек удивительный. Кругленький, в клетча-

том пиджаке и очках он выглядел как иностранец. Нас связывала давняя дружба, если так можно выразиться. Мы дружили с моих трех лет.

Я частенько торчал у мамы на студии, знал все кнопки на режиссерском пульте, умел крутить «рога» у всех павильонных камер. А всё Юрий Львович. Он мне разрешал все трогать на «трактах» — репетициях. Когда я был совсем маленьким, то звал его «Юрий Львович», и он очень радовался.

И что был за человек! Он родился в Харбине и после школы не мог позволить себе учиться дальше, так что некоторое время работал в советском представительстве счетоводом. Частенько он уличал повара представительской столовки в мошенничестве — валютный курс все время колебался, и этот повар проявлял отнюдь не советскую оборотистость при покупке продуктов на рынке. Когда Юрий Львович приходил с очередной жалобой, тот серьезно смотрел на него, качал головой, затем вынимал из плиты противень с горячей выпечкой, сворачивал бумажный кулек, клал туда пирожок с мясом и говорил:

— Юрочка! Вот тебе пирожок, милый мой. Вот тебе пирожок. Что — мало? Вот два. И иди отсюда!

Юрий Львович играл в Харбинском русском театре. Он видел живого Шаляпина, живого Вертинского и кого только еще не встречал...

Когда русский Харбин кончился, Юрий Львович украл себе жену. Свою невесту, точнее говоря. Тетя Лия вместе с родственниками собиралась в Америку. Юрий Львович разубеждал ее: «Лиечка! Единственная страна, где ты сможешь чего-то добиться, если у тебя нет денег, это Россия!» Родителей и саму Лиечку довод не убеждал. Ее решили увозить поездом до какого-то города, откуда шел пароход в Америку...

Маленький Юрий Львович, тогда еще и худенький, попросил двух приятелей приподнять его, чтобы в последний раз обнять любимую через окно трогаящегося вагона и... вытянул ее наружу. Впрочем, почему-то мне кажется, что она не слишком сопротивлялась.

В России он стал режиссером. Сначала поработал в театре в Минусинске (дальше не пускали), потом — на телевидении в Мурманске, а оттуда уже перебрался в Петрозаводск.

Он знал несколько языков, переводил книги с английского и французского. Его телеспектакли дважды шли на весь Союз в прямом эфире. И такое ведь было тогда! И такое было!

На телевидении тогда были строгие правила — приходиться надо было в девять, а уходить в шесть. Плевать, что нужные книги все под рукой дома, а думать лучше в привычном уютном кресле. Вам предоставлены столы и стулья! И даже авторучки!

Иногда формально подчиненный моей маме Юрий Львович подходил к ней и говорил: «Анечка! Тут рядом в «Строителе» идет фильм с интересной операторской работой, который мне надо бы посмотреть... Нельзя ли мне часа в три уйти? Я и Андрюшку с собой возьму, ему интересно будет!» Отпустить режиссера посмотреть нужный для работы фильм — это производственная необходимость. Мама и так бы отпустила, но тут у нее была еще и железная «отмазка» для начальства повыше.

Он брал меня с собой, и мы шли в кино. И смотрели всегда один и тот же фильм. Какой? Ну ладно, не спешите! Всему свое время...

Мы уже сидели за столом и ели борщ, ждали своей очереди рубленые бифштексы. Юрий Львович хитро посмотрел на меня.

— Андрюшка, что ты так нервничаешь?

— Так хоккей...

— Скажи, ты сторонник предсказуемых сюжетных ходов или предпочитаешь произведения с неожиданными финалами?

— Ну как... Если кино, то с неожиданными. А вот хоккей...

— Да, это слишком сильная страсть. Все взволнованы.

На нас уже искоса поглядывали, не знает ли чего Юрий Львович.

Мы доели бифштексы, допили чай и вышли в пустой коридор. Вдруг Юрий Львович сурово на меня посмотрел и сделал руками несколько таинственных пассов, как волшебник, что-то пошептал, закатил глаза и с совершенно закрытым ртом застыл, а рядом зазвучал странного тембра голос:

— С самого начала всех ждет удивительное происшествие! Появится тот, кого не ждали! Он сделает чудо! А счет...

Голос стих.

Юрий Львович осмотрелся, не идет ли кто, и взмолился чуть не со слезами на глазах:

— Но всемогущий джинн, вы же видите, как мальчик волнуется! Нельзя же так, в самом деле!

Фильм по Драгунскому я уже смотрел. Стало кисло.

Он закрыл рот, а голос снова заговорил:

— Ну, если мальчик волнуется... Да успокойся, милый, сборная СССР победит, шесть — ноль!

Я обиделся. Во-первых, судя по игре в двух первых матчах, такой счет казался невозможным. Во-вторых, Юрий Львович с этим голосом просто показал какой-то фокус и смеется надо мной. Так я в первый и в последний раз на него обиделся. Но он неожиданно обиделся тоже:

— Андрюшка, верить или не верить джинну, хотя он и всемогущий, — это дело твое. Но не поверить мне... Это не по-дружески и просто нехорошо...

Тут его позвали на тракт, и несколько часов я таил обиду.

Да, о кино. Как-то мама спросила меня, какой фильм мы смотрели на этот раз с Юрием Львовичем, и я ответил с гордостью:

— «Великолепную семерку».

— А в прошлый раз?

— Тоже! Мы всегда ее смотрим, если где-то идет!

Тут вошел Юрий Львович, который, видимо, только что опять договорился пойти посмотреть «нужный» фильм и взять с собой меня, и получил от мамы удивленный вопрос:

— Юрий Львович! Но почему вы смотрите все время какую-то «семерку»? Что это за фильм? И зачем вы все время берете с собой Андрея?

— Ах, Анечка... Это классический вестерн, снятый по мотивам старого фильма Акиро Куросавы. Там действительно прекрасная операторская работа... И фильм замечательный. Он нравится нам обоим. Но дело, конечно, не только в этом. Там в главной роли Юл Бриннер, понимаете?

— Нет... Юл Бриннер? А что, он такой хороший актер?

— Гениальный! Да только мне-то он какой «Юл»? Это Юлька Бриннер! Мы с ним учились в одном классе...

ВТОРАЯ ТАЙНА ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА

Вечером, около шести, мы вернулись домой и Вадва успели снять пальто и размотаться из толстых шарфиков, как зазвонил телефон.

— Анечка, это Эйно! Дома ли Юра?

Папа был дома.

— Позвать его?

— Да, но не к телефону. Сегодня все — Лева, Валера Корнеев, Зося и вы всем семейством — смотрите хоккеем у меня!

Дядя Эйно отдал маленький телевизор, который сам и спаял по схеме из журнала, в комнату Мише и Леше. Отдал вместе с висящей на нем смешной табличкой, на которой была нарисована улыбающаяся рожица и буквы «КВН», значение которых я не знал. К тому времени, когда я осознанно начал смотреть телевизор, программу «Клуб веселых и находчивых» уже запретили. Ее участники оказались слишком веселыми и находчивыми. Тот «КВН», который показывают сейчас, как мне кажется, названию не соответствует, ни находчивости, ни тем более веселья я там что-то не вижу.

А отдал дядя Эйно и телевизор, и табличку, потому что купил огромное цветное чудо «Электрон», с экраном невероятного размера. Если посмотреть на изображение близко-близко, то можно было увидеть множество синих, зеленых и красных точек, расположенных треугольничками.

По случаю покупки телевизора жена дяди Эйно напекла много-много печенья, приглашенные соседи, видевшие, как коробку вносили в подъезд, тоже что-то сообразили и принесли с собой кто что смог. У мамы не было времени готовить, и меня поспешно послали за тортом и дали как-то очень уж много денег. Потом папа меня догнал на лестнице, сообразив, что коньяк мне не продадут.

За полчаса до начала игры уже закипал большой электрический самовар. Стратеги обменялись мнениями: «Да наши просто боятся! Там же профи! Ему ногу сломают — и миллион в кармане. А нашему что — жизнь сломана!»

Мой папа — спортсмен и тренер. Он квалифицированно пояснил, что к чему, но тоже выразил сомнение:

— При такой игре канадцы, конечно, выглядят наглее, а наши играют на контрастах — от обороны. Коробка канадская уже, меньше места для набора скорости и комбинирования. Нужно какое-то неожиданное решение.

До начала матча к единому мнению прийти не удалось, а я боялся слово сказать о том, что поведал «джинн» Юрия Львовича. И словно черт меня дернул перед самым началом трансляции сказать:

— Наши победят: шесть-ноль!

Все засмеялись, но по-доброму, называли меня оптимистом, но мне это слово именно сегодня показалось обидным, и я возвестил, мрачно, как джинн:

— Вот сейчас начнется, и вы все сразу удивитесь. А папа правильно сказал про неожиданное решение! Еще как будет все неожиданно. Появится тот, кого никто не ожидает!

Я так надулся, что даже интеллигентные соседи не могли сдержатъ смеха. Но смеялись они всего минуту. Николай Николаевич Озеров начал комментарий, когда на экране появился Кубок Вызова на красной подставке с желтой скатертью:

— Говорит и показывает Нью-Йорк! Телевидение Советского Союза начинает последнюю передачу из Америки, из Нью-Йорка, из «Мэдисон-гардена», о хоккейном матче между сборной Советского Союза и командой всех звезд национальной лиги профессионального хоккея — НХЛ! Ничей сегодня быть не может, никакого подсчета забитых и пропущенных шайб, если три периода не выявят победителя, будет назначен четвертый, дополнительный период — до первого забитого гола, а если и в этом периоде гол забит не будет, то будут играть до первого гола — хоть до утра!

Все приуныли. Судить матч должны были канадцы, и ждать от их бригады ничего хорошего не приходилось.

— Тренеры команд сделали небольшую перестановку сил. У нас, к сожалению, не выйдет на поле Харламов, он заболел и играть не может... Нет Владимира Голикова — он получил травму... А в воротах — Владимир Мышкин. Наш молодой игрок, у него хорошо идут игры в этом сезоне...

— Ну вот вам и увидели, кого не ждали... — за-

тосковал дядя Валера. — Еще и без Третьяка. Ладно. Можно уже и не смотреть...

— Шайба круглая, — неуверенно сказал папа и вдруг рассердился: — Валера, не хочешь смотреть — не смотри, но не порти всем настроение!

Первый период кончился со счетом 0:0. Я люблю смотреть хоккей еще и потому, что между периодами показывают мультики. Когда на льду такое творится, мультики хоть немного отвлекают. Но взрослым было не до мультиков. Ругали Тихонова, жалели, что нет Харламова, «который бы уж точно забил на месте Михайлова уже дважды», но больше всего доставалось Мышкину. «Что эта козявка делает в воротах в таком матче! Болонка на воротах!» — неистовствовал дядя Валера. Опытный дядя Эйно оценил состояние гостя, предложил покурить на кухне и там налил ему стакан водки.

Дядя Валера — пьяница. Он вообще-то добрый и хороший человек. Я не помню, кто он был по профессии. Помню только, что у него была очень красивая и добрая жена — тетя Зося, полька. Это немного ее со мной сблизало, ведь мой папа тоже обрусевший поляк. У них не было детей. Тетя Зося в гостях всегда волновалась и была очень грустная. Дядя Валера, выпив, успокоился. Вернувшись в комнату, он даже воспрянул духом:

— Да ничего... Страшного-то еще ничего не случилось!

Тетя Зося улыбнулась, но глаза у нее заблестели...

Начался второй период.

На ворота Мышкина понеслась лавина канадцев — энхаэловцев никто упорно не хотел звать «американцами». Но и наши не терялись и забивали, сначала — Михайлов, потом — Жлуктов! Два — ноль! Взрослые забыли про печенье и торт (к моей великой радости), и я продолжал активно болеть с набитым ртом. В другой обстановке мне бы точно сделали замечание, но не сегодня.

Канадцы поперли к воротам, судьи удалили Васильева, и тут вдруг один из энхаэловцев откровенно ударил Мышкина кулаком по маске. Судья засвистел и ... удалил Мышкина. В гневе от такой несправедливости взревел весь огромный Советский Союз. Дядя Валера осторожно охнул (ему было хорошо, и это состояние он ценил, словно боялся расплескать

водку в желудке). Папа стукнул по столу кулаком. Дядя Эйно назвал судью сволочью. Но игру продолжили с удаленным за Мышкина Гимаевым — вратаря все же с поля не убирают, но за него отсиживает другой. Такая несправедливость случается не только в хоккее.

Второй период закончился. Наши вели — 2:0.

Я забыл даже про торт и мультки. Все понимали — сейчас судья будет судить в одни ворота, канадцы рванут вперед всеми силами, может не обойтись и без кулачных драк...

В Мышкина сразу полетели две шайбы, одна за другой. Он фантастически их отбивал и вытаскивал из невозможных, «мертвых» положений... Гэйни, Макдоналд, Кларк, Тротье, Лефлер — все палили по воротам, в которых стоял маленький невозмутимый человечек в красном куперовском шлеме. Озеров несколько раз повторял: «Отлично, Мышкин! Отлично, Мышкин! Молодец, Мышкин!» И потом твердил — «Спокойнее, спокойнее!» Две наших атаки прошли безуспешно. Не попали наши даже по пустым воротам, когда Чиверс, королевский вратарь НХЛ, вышел далеко из ворот... И опять атака — и снова промах... И вновь — канадский штурм... «Мышкин! Мышкин! Мышкин!» До конца периода — четырнадцать минут, наши ведут 2:0... 12 минут. Озеров стал все чаще напоминать о времени. И тут Хельмут Балдерис заколотил третью шайбу. «А-а-а!!!» — заорал Советский Союз, раскрыв глотку от океана до границы со странами соцлагеря. Я начал верить в джинна... Но еще не до конца. 6:0 — это было бы как-то слишком сказочно. И тут четвертую шайбу чуть ли не от синей линии вбил в ворота Чиверса Ковин. Чиверс и шелохнуться не успел... Джинн приобрел в моих глазах все больший авторитет.

За семь минут и шестнадцать секунд до конца матча, спокойно, как на тренировке, Макаров легко закинул шайбу в ворота Чиверса. Советский Союз довольно заурчал всей седьмой частью земной суши...

Канадцы снова рванулись — уже хотя бы для того, чтобы за пять минут до конца просто любыми силами забить, затолкать, впихнуть хотя бы одну шайбу, хоть что-то. И тут удалили Михайлова. И я усомнился — может быть, джинн имел в виду не 6:0, а что будет забито шесть голов?

Наши были в меньшинстве. Канад... Но тут Голиков рванул вперед. 6:0. Наши забили и в меньшинстве.

— Это «баранка»! — закричал Озеров. — Вот это самая настоящая «баранка»!

Джинн оказался полностью прав. Еще минут двадцать с азартом приканчивали коньяк, изумлялись, куда делись торт и печенье, смеялись надо мной (папа и мама смотрели на мой округлившийся живот укоризненно), допивали чай. В прекрасном настроении разошлись по домам.

Михайлов, Петров, Харламов, братья Голиковы, Балдерис, Жлуктов, Васильев, Бабинов... Дети третьего тысячелетия! Мне жаль вас. У вас никогда не будет таких героев. Это не герои советской эпохи — это герои нашего поколения, которому до звезды названия эпох. И Мышкин. Он тогда тоже стал героем. Ненадолго — для газет. И навсегда для тех, кто видел тот матч...

А на следующий день на студии мы опять сидели в буфете, на этот раз с мамой. А за соседним столиком подозреваемый (и не без оснований) всеми в стукачестве товарищ завел «издалека» разговор с Юрием Львовичем.

— Ох, как я волновался из-за хоккея... Но какой матч! Какой матч! А я накануне все ловил, извиняюсь, вражий голоса... Все глушили! Все! Ни слова слышно не было.

— Ну что вы такое говорите! — возразил вдруг Юрий Львович. — Я ведь некоторым образом, как сотрудник идеологической организации (тут он лукаво подмигнул нам с мамой, так, чтобы стукач не видел), должен следить, что там про нас врут на Западе. И слушаю постоянно. И все слышно просто великолепно! Я даже музыку очень люблю слушать. Джаз! У меня хороший приемник и все прекрасно принимается, безукоризненное звучание, стерео!

Стукач ушел озадаченный. А мама удивленно спросила:

— Юрий Львович, но мы... — и перешла на шепот, — мы ведь тоже слушали, но ничего действительно нельзя было разобрать... Что же вы такое ему сказали?

— А пусть поломает голову. Пусть.

Но я все же настаивал:

— Юрий Львович, а как вы с глушилками боретесь?

— Да никак! — весело отвечал Юрий Львович. —

Просто «Би-би-си» и «Голос Америки» надо слушать по-английски, «Дойче велле» — по-немецки, французское радио — по-французски. И никаких глушилок. Между человеком и информацией не должно быть посредников!

Вот что значит — родиться при капитализме!

Это был февраль 1979 года. И никто из нас не знал еще, что скоро мы не увидим на площадке Харламова совсем по другой причине... Что нашу сборную ждет трагическое поражение в Лейк-Плэсиде. Что больше хоккей никогда не будет таким праздником. Что только во дворе мы еще будем счастливы, шелкая клюшками по мячику и вытряхивая снег из продранных валенок.

А я не знал, сколько всего еще успею понять, узнать, постичь благодаря великолепному Юрию Львовичу. И уж предположить не мог, что будет твориться у меня на душе, когда я через четыре года понесу крышку за его гробом.

ЧАЙ

«Rain, rain, la-la-la-la-la-la-la...» — печально завывает магнитофон «Весна» на окне у Таньки Лобановой. Она нашего возраста, но мы для нее — никто. Справедливости ради — она для нас тоже никто.

Но мелодия вполне соответствует обстановке. В четверг с утра зарядил дождь. Мелкий. Но теплый. Чтобы такая-то мелочь нас остановила! Мы на футбольном поле, уже откоряли, меня засунули в ворота, и битва началась. Третий матч до десяти голов подходил к концу со счетом 9:9. На меня смотрели убийственно.

Родиончик замыслил очередной финт, но поскользнулся, и Колька Васильев нанес с пяти метров пушечный удар в середину ворот. Я прыгнул на мяч без всякой надежды и выставил вперед кулаки без перчаток.

Придя в себя, я обнаружил, что все смотрят вверх. Мяч был тяжелый и грязный, скользнул по рукам и теперь медленно, как кирпич, летел за тюремный забор.

Такое случалось регулярно. Дальше все должно было идти по сценарию: крики жалобными голосами «Дяденьки, киньте мячик», беготня к воротам тюрьмы и звонок в окошко караульных, а там — выкинут или покуражатся

часок. Но тут — чудо! Мяч вылетел из-за забора минуты через две и шлепнулся на землю, даже не подпрыгнув, так он размок.

Я отразил пенальти, и Родиончик зачмокал губами и жизнерадостно крикнул мне: «Люблю я тебя, сучку! Цунич, ты...» Но в это время Колька снова пробил, и матч кончился. Родиончик сразу изменился в лице.

— Б..., только похвалили тебя. Чтоб ты на воротах повесился, козлина!

Колька тем временем осматривал мяч. С удивлением он извлек из-под шнуровки...

(Да знаете ли вы, дети двадцать первого столетия, что такое шнуровка на футбольном мяче?! Даже про великого футболиста Кевина Кигана говорили когда-то: «Это настолько джентльмен, что даже если дает пас на голову, мяч никогда не прилетает шнуровкой вниз!» Красные следы от этой самой шнуровки еще не прошли у меня на кулаках после Колькиных ударов. Зато можно было спокойно поменять камеру и не покупать новый мяч. Впрочем, внешняя оболочка тоже размокала и рвалась...)

...Так вот, извлек из-под шнуровки бумажку, в которую были завернуты двадцать пять рублей и записка: «Пацаны, будьте людьми! Киньте чаю с угла!»

Мы были честными пацанами. Мы еще многого не знали, в частности, и того, что четвертак — это цена одной пачки грузинского чаю за этим забором...

Шестером мы минут десять делили, сколько чаю за 36 копеек можно купить на 25 рублей. Слегка недоставало до 70 пачек. Мы добавили своей мелочи и отправились в гастроном.

Продащица удивилась, куда нам столько, но Родиончик немедленно ответил: «В поход идем. Двумя классами, на неделю!» Пришлось добавить еще 8 копеек — на два бумажных пакета, в один 70 пачек точно не влезали.

Вернувшись во двор, Родиончик попробовал кинуть пакет, как и просили, с угла — но тот был слишком легким или была у него, как это правильно называется, «большая парусность», но только пакет не взлетал высоко и возвращался назад, как бумеранг. Но наш конструктор тут же сбегал за бечевкой. Привязал к ручкам обоих пакетов полкирпича и начал

раскручивать конструкцию, как австралийский абориген сигнальную трещотку. Пакеты взмыли вверх.

Они закрутились как раз над забором. На грани между «там» и «тут». Над границей двух миров... И если с этой стороны мы следили за этим кружением с любопытством, то представьте себе, с каким отчаянием смотрел кто-то на это сооружение с другой стороны, да еще и не понимая, что там летит — он ждал маленького кубика, а тут — не пойми что. Ветер усилился. Он снес наш «вертолет» за забор и тут пакеты, размокшие от дождевой влаги, порвались, и над тюрьмой пролился новый чайный дождь.

Такого «ура!» не слышал никакой Брежнев на демонстрации у кремлевской стены! Гагарин не был так оглушен встречей восхищенных землян! «Битлз» получали аплодисменты потише на самых отчаянных стадионах!

Никакие крики «стоять!», «все на месте!», «стреляю без предупреждения!» уже не могли испортить праздника по ту сторону забора...

Мы благоразумно смылись со двора.

Недели через две во время футбола к теннисному столу подошли двое мужчин строгого вида. Они смотрели на нашу игру и словно чего-то ждали. Тут Родиончик завопил очередному

вратарю: «Люблю я тебя, сучку!», мужчины кивнули друг другу и ушли со двора. А через полчаса они вернулись, поставили на теннисный стол десять тортов и два ящика лимонада. Ничего не сказали, развернулись и ушли. Торты были связаны по пять, коробка на коробке. На верхнем торте лежала пачка грузинского чая за 36 копеек.

Уходя, один из мужчин обернулся и, не держав, крикнул:

— Спасибо, пацаны! Там тоже люди живут!

Мне рассказали потом, что цирикам не удалось отобрать ни одной пачки и СИЗО чифирил целый месяц. Ну не весь, конечно... Потом мы узнали, что люди там живут, но очень разные. Кое-кто это узнал даже на практике.

□

Андрей Юрьевич ЦУНСКИЙ

родился в 1967 году в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

Лауреат литературных конкурсов «Art-Teneta-97»,

«Art-Teneta -99»,

автор двух книг, выпущенных издательствами «Геликон +»

и «Амфора».

Рассказы вошли в антологию Макса Фрая.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

